

«ЭТОТ СТРАННЫЙ РУССКИЙ»

ТЕАТР

...В зале становится все светлее, совсем светло, но зрители не спешат вставать с мест, выходить в фойе. Ведь занавес не закрылся, актеры не покинули сцены. Остаются на прежнем месте персонажи пьесы — хирурги. У выходов со сцены и на авансцене стоят, расставив ноги, солдаты с оружием на изготовку.

Четверо врачей окружены со всех сторон. Они стали пленниками путчистов, им некуда идти. Постановщик спектакля — главный режиссер Новгородского областного театра драмы В. Короткевич подчеркивает эту ситуацию необычным антрактом, словно задумав не дать расслабиться, отвлечься от происходящего ни исполнителям, ни публике в один из самых напряженных моментов действия.

Оригинальных постановочных решений (включая видеотехнику) в спектакле «Этот странный русский» немало. Его создатели с самых первых минут вводят вас в тревожную атмосферу драмы. Вот раздаются глухие удары то ли метронома, то ли человеческого сердца. Вот на сцене красным пламенем загорается огромный крест — и непонятно, что это: то ли флаг какого-то государства, то ли международный символ милосердия, то ли крест кулуксклановцев...

Очень скоро зритель узнает, что все это значит, что, где и с кем происходит, разгадает омонимичную, заявленную вначале. Он откроет себе и прозрачную параллель между красным крестом в глубине сцены и сочащимся кровью крестом, что путчисты вырезали на спине парнишки Хосе, бросавшего в них камни. Однако финальные аплодисменты зала — благо-

дарность не столько за изобретательную постановку, но за возможность прикоснуться к большой современной теме, снова задуматься над нашим — советских людей — местом в сегодняшнем мире, над тем, как и чем мы живем.

Автор драмы «Этот странный русский» В. Чичков долгие годы работал корреспондентом газеты «Правда» по Латинской Америке, неоднократно бывал в странах Европы, США. Он не с чужих слов знает жизнь за рубежом, слышал самые разные отзывы о нашей стране. Впечатления, наблюдения, раздумья и легли в основу «Этого странного русского» — седьмой пьесы драматурга по общему счету и первой, где сошлись, как на перекрестке, темы внешнеполитическая, международная и внутренняя, советская.

Итак, на сцене — большая обстановка. Телевизор. Это комната дежурного врача в государственном госпитале какой-то латиноамериканской страны, где работают посланцы международного Красного Креста — хирурги из Франции, Англии, США, Советского Союза. Они приехали на помощь пострадавшим, от землетрясения, но у каждого из них были свои особенные причины дать согласие на эту работу. Побудительные мотивы сами по себе раскрывают опыт предшествующей жизни, внутренний мир каждого из четверых, но, занятые операциями, они мало общались друг с другом.

Став пленниками, они оказались в четырех стенах и остаются здесь со своими тревогами, надеждами, ожиданиями почти все время, пока идет спектакль. Идут разговоры о себе, о жизни. Споры,

столкновения взглядов, реакция на происходящее вокруг, попытки найти выход, эволюция позиций — все это составляет предмет исследования для драматурга и напряженного внимания — для зрителя.

Подобно тому, как в технике материалы и детали испытываются под воздействием высоких температур, давлений, реактивов, так и в пьесе В. Чичкова четверо врачей, оказавшись в экстремальных условиях, во власти насильников и убийц, проходят проверку на свою человеческую состоятельность. А своеобразным «катализатором», благодаря которому ускоряется размежевание позиций и взглядов, выявляется все лучшее и все худшее в каждом, и стал этот странный русский — коммунист Николай Егоров. Почему — он?

Из четверых врачей самая высокая цель как раз у него: он приехал просто помогать людям, не преследуя никаких личных выгод. Такова одна из его основных «странностей». Этой принципиальной линии герой, как выясняется, был верен и раньше в своей стране, не изменяет ей и теперь. Когда капитан Берланга то угрожает ему, то предлагает деньги, Егоров отказывается оперировать главаря хунты, потому что путчисты арестовали работающих в этой стране советских строителей: не о себе беспокоится он.

Николаю Егорову (артист Л. Суворов) присущи мужество, мировоззренческая определенность. Он не боится сказать хозяину положения Берланге, что является коммунистом, не боится возражать ему. Он умеет рассуждать, слушать, парировать насмешки.

Одна из самых лучших актерских работ — американка Джейн в исполнении заслуженной артистки Белорусской ССР Н. Короткевич. Испытывая разочарование от полного отсутствия духовных интересов, она отправилась работать в далекую страну, чтобы оправдать свое существование, найти что-то новое. Воспитание, среда, бездетная жизнь с мужем в привычном, механически размеренном ритме наложили на нее свой отпечаток, и актриса учла это, как учла и авторскую ремарку: «В ее облике — элегантизм тридцатилетней женщины, которая знает себе цену».

Джейн в меру обольстительна, говорит каким-то жеманным полунискусственным голосом (видимо, так ее учили в семье). Естественные интонации редко прорываются сквозь маску, ставшую уже привычной, хотя Джейн искренне увлечена Егоровым, решительна.

Ищущую более высоких помыслов американку влечет к странному русскому — не такому, как, например, англичанин Бен, которого ей понять гораздо легче. Но в дуэте Егоров — Джейн выявившееся духовное родство не отменяет глубоких различий в привычках, в представлениях о жизненных ценностях. Актриса Н. Короткевич не только говорит: «Мы живем с вами в разных измерениях», — но и играет так, что мы чувствуем дистанцию этих двух «измерений».

Француз Клод (артист В. Кривошеев), оставаясь внешне все таким же неторопливым в движениях и словах, внутренне меняется на глазах зрителей. Изведав немало разочарований, он уехал из Европы с мечтой «пожить среди индейских пле-

мен». Увы, в Латинской Америке нет тишины, а старому хирургу не хочется рисковать, «лучше сидеть и не высываться». Егоров не без укоризны замечает ему: «Странно, Клод! Вы воевали с немцами...» А главное — русский не на словах, а на деле показывает коллеге, как не надо прятаться и бояться, сталкивает его с пассивной позиции.

Устами Клода автор пьесы обличает конформизм, быстро превращающий человека в ничто. Конформист — это Бен. Заносчивый, но трусливый, он исповедует всего два «идеала»: деньги и женщины. Сперва он возмущается, что «какой-то капитан» не выпускает их из госпиталя, а под конец только что не щелкает каблуками и отвечает этому же самому капитану: «Слушаюсь, сэр». Бен не выдерживает испытаний, и соседство Егорова лишь еще больше высвечивает его внутреннюю пустоту.

Здесь раскрыта, думается, основная мысль пьесы: человек без нравственного идеала нигде на планете не может быть героем наших дней. Бесхребетные и беспринципные потребители благ и удовольствий по логике жизни оказываются по ту сторону баррикад.

Публицистическая острота и сюжетная занимательность пьесы В. Чичкова немало работают на то, чтобы донести эту мысль до зала. Нужно ли это? Нужно, особенно молодому зрителю. Не секрет, что кое-кто судит о жизни на Западе по товарным этикеткам, броским наклейкам. Пьеса «Этот странный русский» помогает и лучше представить себе положение дел в странах капитала, и осознать опасность фашизма.

Фашизм — это распад, деградация личности, напоминает спектакль образами путчистов — врагов отнюдь не карикатурных, а достаточно

серьезных. Таков хладнокровный убийца с костистым черепом Луис (артист А. Чернегин). Таков и Эрнандо (В. Григорьев): коварный, расчетливый, он лишь прикидывается простачком. Оба не ведают ни угрызений совести, ни сомнений.

Напротив, Берланга не утратил способности сочувствовать, переживать. Бесстрашны и бескорыстие Николая производят на него такое впечатление, что в капитане пробуждается ответственное чувство благодарности, и он становится чуть-чуть похожим на прежнего Берлангу, которого звали просто Пако и в глазах которого светилась доброта. Но ему не суждено сдержать своего честного слова: фашизм и честь — понятия несовместимые...

Артист Ю. Цурило создал полнокровный и законченный характер, нашел запоминающиеся краски. Великолепна, например, сцена с первым появлением Берланги. Уверенный в себе, красивый, даже галантный (что не мешает ему отдать приказ расправиться с Хосе...), он весь живет предвкушением близкого успеха путча, новых денег, почестей и т. п.

Конечно, драматургический материал таких ролей, как Берланга, Эрнандо, Джейн, достаточно богат, но запоминаются эти образы не в последнюю очередь благодаря работе актеров, их стремлению выявить и вылепить личность своих персонажей, наделять их неповторимыми чертами. Этого еще нельзя сказать обо всех участниках спектакля.

Правда, с каждым новым показом драмы игра артистов обретает все больше убедительности и многозначности, и вот уже чуткий зал улавливает это: смеется реплике, на которую в прошлый раз не реагировал, замирает после умело найденной паузы. Но было бы лучше, завершишь шлифовка до выхода на публику, выстроись заранее все роли в одном речевом ключе (сейчас почему-то только американка говорит с акцентом, хотя испанский язык — не родной и для ее коллег). Более продуманными могут быть костюмы. Словом, спешка с выпуском не пошла на пользу хорошему и нужному спектаклю.

Г. НАРЫШКИН